

Писатель — читателю

У редкой книжки такая счастливая судьба... У «Повести о настоящем человеке» — многомиллионная, многонациональная читательская аудитория в нашей стране. «Повесть» переведена на многие иностранные языки. Завтра ее автору, автору других замечательных книг, Герою Социалистического Труда Борису Полевому исполняется 70 лет.

Редакция «Вечерней Москвы» поздравляет Бориса Николаевича с юбилеем. И сегодня известный советский писатель — наш гость. Он выступает под традиционной рубрикой «Писатель — читателю», где идет разговор о том, с чего начинается книга, как рождается писательский замысел...

ИЗ ЖИЗНИ — В КНИГУ

Борис ПОЛЕВОЙ

...Однажды утром у меня зазвонил телефон.

— Мне бы хотелось с вами встретиться, — зазвучал в трубке хриловатый, мужественный, как будто знакомый, но уже позабытый голос.

— А с кем я разговариваю?

— С гвардии майором Алексеем Маресьевым.

А через несколько часов быстрый, веселый, все такой же деятельный, своей медвежьей, чуть-чуть с развалцем походкой он уже входил ко мне.

— ...Я вчера сижу дома, читаю, радио включено, но я увлекся и не слушаю, что там передают. Вдруг подходит взволнованная мама, показывает на приемник и говорит: «Послушай, сынок, это же про тебя...». Зачитали отрывок, назвали автора, и вот решил я вас разыскать...

...Куда ни бросала меня военная судьба, возил я с собой две ученические тетрадки, на которых записал необыкновенную одиссею этого летчика. Сколько раз во время войны, в дни затишья и после, скитаясь по странам освобожденной Европы, принимался я за очерк о нем и каждый раз откладывал — что удавалось написать, казалось лишь бледной тенью его жизни.

Но вот в Нюрнберге я присутствовал на заседании Международного военного трибунала. И здесь, в этом строгом, облицованном дубом зале, где шел допрос фашистских преступников, мне вдруг вспомнился Алексей Маресьев. Образ его ярко и неотвязно встал передо мной, и захотелось здесь же, в Нюрнберге, в городе, который был колыбелью нацизма, рассказать об одном из миллионов простых советских людей, разбивших гитлеровские полчища. Вернувшись с заседания трибунала, я открыл ученические тетради в желтых обложках, на одной из которых маресьевским почерком было выведено: «Дневник боевых полетов третьей эскадрильи», и засел за работу.

Многое в свое время я не успел записать, многое за четыре года потерялось в памяти. О многом по скромности своей умолчал тогда Алексей Маресьев. Пришлось додумывать, дополнять. Стерлись в памяти портреты его друзей. Их пришлось создавать заново. Не имея возможности строго придерживаться фактов, я слегка изменил фамилию героя и дал новые имена тем, кто сопутствовал ему, кто помогал ему на трудном пути его подвига. Так возникла «Повесть о настоящем человеке»...

В дни Великой Отечественной войны я был офицером Красной Армии и служил корреспондентом «Правды» на нескольких фронтах. В свободные от репортерской службы часы по старой привычке вел что-то вроде дневников. Когда было время — подробно, когда его не хватало — бегло, конспективно записывал все, что казалось мне на войне особенно существенным, значительным. Писать дневники вошло в привычку.

Из этих фронтовых дневников и шагнули потом в литературу герои таких книг, как «Мы — советские люди», «Золото», «Глубокий тыл», «Доктор Вера», «Вернулся». Но дневники оставались дневниками. И вот много лет спустя я снова взялся за старые тетради и стал литературно обрабатывать то, что когда-то бегло записал на Калининском, Сталинградском, Степном, Втором и Первом Украинских

фронтах, а потом на Нюрнбергском процессе. Так появились четыре книги дневников военного корреспондента.

Готовя эти книги к печати, я, повторяю, лишь литературно обрабатывал давние торопливые записи, оставляя содержание таким, каким оно было, когда записи эти делались по горячим следам событий, с моим тогдашним видением и мироощущением, не переосмысливая их и не приспособляя к моему сегодняшнему пониманию войны. Конечно, при этом нельзя было не ощущать дистанцию времени, тем более, что я имел честь быть членом редакционной коллегии шеститомной «Истории Великой Отечественной войны» и, участвуя в ней, изучил множество документов. Но в сути дневников я ничего не менял. Мне хотелось показать, как видели и воспринимали события фронтовики, солдаты и офицеры в те дни, когда бушевала война. Мне хотелось, чтобы молодые люди новых поколений как бы посмотрели на войну нашими глазами и по-нашему восприняли и оценили и гигантские масштабы сражений, и грандиозность народного героизма, и все величие Победы, добытой в этой нечеловечески тяжелой войне Советской Армией и советским народом. Как это удалось — не мне, сегодняшнему, судить. И я мечтаю о том, что сыны и внуки мои, вся наша замечательная молодежь станут читателями и судьями этих книг.

...По роду моей журналистской профессии мне часто доводится странствовать по белу свету и видеть много интересного. Но газетный очерк, оперативно откликающийся на влосу дня, хорош, лишь когда он горяч. Таких очерков я написал множество, но собрать их в книгу никогда не решался, боясь уподобиться хозяйке, которая угощает гостей подогретыми котлетами, изжаренными несколько дней назад. Но чтобы то, что доводится видеть, не терялось, я и по сей день веду дневники. Из таких записей родилась, в частности, книга «Американские дневники», которая вызвала бурный приток читательских писем. Такой прием «Американских дневников» меня, как говорится, окрылил. И вот спустя несколько лет я собрал под одной «крышей» людей, с которыми меня в разное время свела жизнь. Поэтов, писателей, актеров, ученых, общественных деятелей. Я назвал книгу «Силуэты» — потому что это не монографии и даже не литературные портреты, не обстоятельные рассказы о их жизни и творчестве, а лишь то, что сохранила и несет через годы моя память плюс записи... Возможно и вероятно, что исследователи жизни и творчества некоторых из них будут изучать их биографии, их творчество. Ну что ж, пусть мои, порой беглые, наблюдения послужат для них литературным материалом. Мне же, их современнику, было бесконечно приятно рассказывать об их жизни, их делах, и я буду считать себя вознагражденным, если перед читателями пройдут хотя бы силуэты людей, которые хранит моя память.

Не скрою от вас, читатель, всех, чьи силуэты пройдут в этой книге, всех, о ком я рассказывал в своих очерках, воспоминаниях, я люблю и допускаю, что, рассказывая о них, я в чем-то не вполне беспристрастен. Ну что ж, я вообще не верю в беспристрастность литературы...